

DOI 10.31029/vestdnc77/9

УДК 811.351.12

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Д. М. Магомедов, ORCID: 0000-0001-6644-2897

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДФИЦ РАН

Статья посвящена исследованию некоторых синтаксических особенностей аварских диалектов. Синтаксис аварских диалектов изучен недостаточно, поэтому иногда трудно установить, является ли тот или иной синтаксический элемент территориально различительным. Цель статьи – ввести в научный оборот синтаксические особенности аварских диалектов, что дает ценный материал для разработки вопросов истории формирования аварского литературного языка и его исторической диалектологии. В статье выявлены диалектные синтаксические явления, имеющие сходства с литературным языком, а также особенности, не свойственные аварскому литературному языку. Утрата диалектных синтаксических особенностей происходит прежде всего под влиянием аварского литературного языка. Исследование проводилось с использованием сравнительно-сопоставительного метода, метода компонентного анализа, а также опроса информантов. Новизна данной статьи обусловлена синтаксическими особенностями диалектной речи, которая не подвергалась целенаправленному изучению, в то время как для истории языка каждое диалектное явление актуально и ценно.

The article is devoted to the study of some syntactic features of the Avar language dialects. The Avar dialects syntax is not well understood, so it is sometimes difficult to establish whether a particular syntactic element is territorially distinctive. The purpose of the article is introduction of the syntactic features of the Avar dialects into scientific circulation, which will provide valuable material to the development of questions of the formation history of the Avar literary language and its historical dialectology. The article identifies dialect syntactic phenomena that have similarities with the literary language, as well as features that are not peculiar to the Avar literary language. The loss of dialectic syntactic features occurs before the influence of the Avar literary language. The study has been conducted with the use of the comparative method, the method of component analysis, as well as a survey of informants. The novelty of this article is due to the syntactic features of the dialect speech, which has not been subjected to a focused study, while for the history of the language, each dialect phenomenon is relevant and valuable.

Ключевые слова: аварский язык, синтаксис, говор, диалект, литературный язык, словосочетание, послелог, предложение.

Keywords: Avar language; syntax; dialect; dialect; literary language; phrase; postposition; sentence.

В аварском языке два больших наречия – северное и южное. В северном наречии представлены диалекты: хунзахский, восточный и западный (или салатавский). В южном наречии встречаются следующие диалекты: андалальский, анцухский, гидский, батлухский (переходный), курсурский, закательский и карахский.

Для того чтобы конкретнее представить синтаксические особенности диалектов аварского языка, необходимо всесторонне исследовать и выявить закономерности функционирования тех или иных форм.

Основным материалом к статье стали полевые материалы автора, собранные во время диалектологических экспедиций. Методом сплошной выборки из проштудированной специальной литературы были извлечены примеры с синтаксическими особенностями аварских диалектов. Кроме того, некоторые моменты уточнялись непосредственно в работе с информантами, т.е. использовались методы полевой работы. В качестве информантов выступили носители аварских диалектов, для которых язык выступает не только средством коммуникации, но и объектом изучения.

В настоящее время утрата диалектных особенностей происходит прежде всего под влиянием литературного языка. Хунзахский диалект, легший в основу аварского литературного языка, оказывает сильное воздействие на другие диалекты и говоры. В настоящее время радио и телевидение, школы, театр и кино, газеты и книги оказывают большое влияние на сближение диалектов, ускоряют процесс приобщения носителей различных диалектов к нормам аварского литературного языка [1, с. 34].

В дагестанском языкознании диалектный синтаксис всегда изучался менее интенсивно, чем диалектная фонетика, лексика и морфология. Хорошо известна роль диалектных фактов в изучении исторического развития языка, формирования и развития отдельных грамматических категорий. Исключительное значение приобретает исследование диалектного синтаксиса, так как в диалектах обнаруживаются остаточные явления ряда синтаксических конструкций более древнего периода развития языка.

Цель статьи – на основе диалектных материалов, обнаруженных и исследованных во время экспедиций, раскрыть характерные синтаксические особенности аварских диалектов. В ходе исследования обнаружены синтаксические особенности диалектов, которые заслуживают внимания и дают возможность сравнивать эти особенности с аварским литературным языком. В диалектах южного наречия обнаруживается наибольшее число синтаксических отличий по сравнению с литературным языком.

Диалекты отражают определенные этапы развития литературного языка, духовную и материальную культуру народа, его быт и связи с другими народами. Историко-сравнительное изучение языка немыслимо без учета их диалектных особенностей, так как диалекты в противовес литературному языку сохраняют архаические лексические и грамматические формы.

Как правило, диалекты сохраняются в тех языках, которые распространены на большой территории. Их возникновение связано с изолированностью друг от друга, поэтому диалекты могут то сильно сближаться, то расходиться в зависимости от степени контакта между их носителями.

Аварские диалекты отличаются друг от друга некоторыми фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями, а их объединяет то, что все они образовались от одного языка-основы. В основе же народно-разговорной речи подавляющего большинства аварцев и их литературного языка лежит так называемый *болмацI* «народный язык», или же «язык войско» [2, с. 93].

Как известно, развитие любого языка тесно связано с историей развития самого народа, с его социально-политической структурой и культурно-экономическим статусом. При исследовании аварского языка роль диалектологии становится важной, так как диалектные данные являются для него единственным источником, который компенсирует отсутствие письменных памятников. К сожалению, до сих пор не было проведено комплексных исследований по синтаксису диалектов аварского языка. Между тем исследование говоров и диалектов представляется нам целесообразным, поскольку дает ключи к решению целого ряда актуальных проблем современной аварской диалектологии.

Синтаксис аварских диалектов – модели словосочетаний, структурные схемы предложений, средства связи предложений друг с другом и другие синтаксические элементы, характеризующие языковые комплексы диалектов аварского языка. В сравнении с числом явлений, формирующих диалектные различия в области лексики, фонетики и морфологии, число явлений, формирующих различия в области синтаксиса, являются в аварских диалектах незначительными. Диалектные различия проявляются в способах построения словосочетания, в способах выражения сказуемого, в своеобразном употреблении послелогов и т.д. [3, с. 83].

В звеньях синтаксической системы меньше всего диалектных различий отмечается в конструкциях сложного предложения в сравнении с конструкциями словосочетания и простого предложения. Сложное предложение является также наименее изученным звеном в области синтаксиса аварских диалектов.

Отдельные диалекты под воздействием определенных условий в тот или иной исторический период могли обособляться и сохранить тем самым такие явления, которые были присущи языку в прошлом, но в настоящем аварском литературном языке утрачены. В результате изолированности друг от друга почти у каждого диалекта вырабатывались и свои языковые особенности. Что же касается закательского диалекта, представленного в Республике Азербайджан, и говора селения Кусур,

находящегося в Рутульском районе, то они стоят обособленно и лучше сохранили древние формы аварского языка, чем все другие диалекты и говоры. Поэтому важно изучить диалекты как источник изысканий в области истории языка. Синтаксический строй аварского языка характеризуется большим единством, чем фонетический и морфологический строй. Среди тех синтаксических элементов типов предложений, средств связи предложений и т.п., которые функционируют в диалектном языке, есть элементы общие, употребляющиеся во всех говорах и элементы, известные в части говоров.

Как правило, диалекты и говоры, которые находятся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. Большой интерес в этом отношении представляет закатальский диалект, в котором категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Такое явление не характерно для других аварских диалектов и литературного языка. А.А. Бокарев отмечает, что в закатальском диалекте «глагол в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дун вортолов* «я упал» (1 лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» [4, с. 18].

В аварском литературном языке глагол согласуется с именем существительным в классе и числе. В закатальском же диалекте представлено четко выраженное согласование сказуемого с лицом имени. П.А. Саидова выделяет в закатальском диалекте «два типа спряжения – классное и классно-личное. Классно-личное спряжение наблюдается в трех говорах закатальского диалекта – чарском, чардахларском и тальском. Для белоканского говора характерно классное спряжение» [5, с. 4]. Личное спряжение в закатальском диалекте выражается в прошедшем (достоверном) времени, где первое лицо маркируется классным суффиксом, в то время как второе и третье лицо не имеют классного суффикса. Например: *дун вер-ов* «я пришел» (1 лицо) – *мун вер-и* «ты пришел» (2 лицо); *дун йер-ей* «я пришла» (1 лицо) – *мун йер-и* «ты пришла» (2 лицо); *ниж рер-ал* «мы пришли» (1 лицо) – *муж рер-и* «вы пришли» (2 лицо) и т.д. Как видим из примеров, личное спряжение происходит на базе использования в формах первого лица не финитной формы, а причастия, которое имеет суффиксальный классно-числовой показатель.

Аналогичное явление отмечает в кусурском диалекте И.А. Исаков:

кусурский диалект	литературный язык	
<i>Дун вугав</i>	<i>Дун вуго</i>	«Я есть»
<i>Мун вугу</i>	<i>Мун вуго</i>	«Ты есть»
<i>Дав вугу</i>	<i>Дов вуго</i>	«Он есть» [6, с. 67].

Синтаксис аварского литературного языка существенно отличается от синтаксиса диалектов. Однако при анализе текстов аварского литературного языка отчетливо просматривается определенное влияние на него синтаксиса русского языка. Например, под влиянием русского языка в аварском литературном языке появились назывные предложения. Например: *Их. Бакъ. Тугьдул* «Весна. Солнце. Цветы». *Рокъи. ТалихI. Лъимер. Цва* (Гъ.Гъ.) «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда». Назывные предложения являются новым явлением в синтаксисе аварского языка [7, с. 37].

Значительные различия наблюдаются в области синтаксиса в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, локативу V серии аварского литературного языка в карахском диалекте соответствуют послеложные конструкции с локативом I серии + послелог: *чóтIа* (лит. яз.) – *чóда ъад* (карах. диал.) «на коне»; *рагIóукъ* – (лит. яз.) – *расдáда ахáкъ* (карах. диал.) «в тени»; *гъотIóкъ* (лит. яз.) – *гъутIóда ахáкъ* (карах. диал.) «под деревом»; *хъагIниб* (лит. яз.) – *хъигIда жáни* (карах. диал.) «в кастрюле». В последнем примере послелог *жáниб* «внутри» в карахском диалекте произносится без классно-числового показателя -б: *жáни*.

Для аварского литературного языка в равной степени характерны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *чóтIа* – *чóда тIад* «на коне»; *гъотIóкъ* – *гъотIóда гъоркъ* «под деревом»; *хъагIниб* – *хъагIда жáниб* «в кастрюле» [8, с. 154].

Еще П.К. Услар заметил, что в одних диалектах при глаголах речи употребляется локатив I серии, а в других – аллатив I серии: *абе досда* «скажи ему» (у хунзахцев), *абе досде* «скажи ему» (у гумбетовцев и салатавцев)» [9, с. 35].

Один из местных падежей – локатив I серии активно сочетается с послелогом *цадахъ* «вместе», *гъоркъ* «внизу», *тIад* «наверху», например: *Инсуда цадыхъ васги вуго* «С отцом вместе находится сын». *Чода тIад къили лъуна* «Лошадь оседлали» (букв. «На лошадь седло поставили») и др. При сложном глаголе *рокъи ккезе* «влюбляться» (букв. «любовь попадать») употребляется локатив II серии, который обозначает объект чувства: *Довни духъ рокъи ккун холев вугин* «Он умирает, влюбившись в тебя».

На уровне простого предложения в диалектах южного наречия наблюдаются некоторые существенные отличия от литературного языка в особых типах односоставных предложений, в выражении сказуемого, в употреблении частиц. Исследование диалектных особенностей синтаксиса на уровне словосочетания и простого предложения позволило выявить определенные, в некоторых случаях существенные свойства, характеризующие аварские диалекты. Например, одной из особенностей структуры вопросительного предложения в карахском диалекте является то, что в данном предложении выпадает один из элементов вопросительной частицы *-иц*, который обязательно присутствует в аварском литературном языке. Карахскому вопросительному предложению типа *Васас эъхъ цIалури?* «Мальчик книгу прочитал?» в литературном языке соответствует предложение типа *Васас тIехъ цIаланиц?* с тем же значением. Еще примеры: *Дуль хIалтIи гъабури?* (карах. диал.) – *Дуца хIалтIи гъабуниц?* (лит. яз.) «Ты выполнил работу?». *Дуда гьимен вихъури?* (карах. диал.) – *Дуда эмен вихъаниц?* (лит. яз.) «Ты видел отца?». *Дуль тукаца чикар боси?* (карах. диал.) – *Дуца тукадаса чикар босаниц?* (лит. яз.) «Ты купил в магазине сахар?» и т.д.

В диалектах южного наречия встречается также одна характерная особенность, связанная с употреблением союзов. Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление заимствованного из арабского языка союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги*. Например: *васал ва ясал // васалги ясалги* (лит. яз.) – *васалги ясалги* (карах. диал.); *эмен ва эъбел // эменги эъбелги* «отец и мать» (лит. яз.) – *эминги эъбелги* (карах. диал.); *бакъ ва моцI // бакъги моцIги* (лит. яз.) – *бакъги моцIги* (карах. диал.); *зоб ва ракъ // зобги ракъги* (лит. яз.) – *зобги ракъги* (карах. диал.) и т.д. Как видим, союз *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается [10, с. 157].

Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций. Так, в карахском диалекте не функционирует транслатив, который активно употребляется в аварском литературном языке. Например: *Бицунеб хабарги хъвалеп асарги // Халкъалъул кIалдисан босизе буго* (ЦI.XI.) «Рассказы и произведения буду брать из уст народа». *Гисинил квердасан киса мун холеб, / Халкъ букIун батила дуде тIадельгун* (ЦI.XI.) «Да разве ты умрешь от руки Исина, наверное, народ выступил против тебя». *Боркъараб кор гIадаб ГIортIаколосан / Квачан ятиларо, роол гIужлъидал?* (ЦI.XI.) «(Проходя) через горячую, как печь, Ортоколо, наверное, не замерзла, так как сейчас лето».

Функции транслатива в карахском диалекте передаются описательно, либо послеложными конструкциями, например: *Дав вегъур роснаса тиру* «он пришел через селение» (карах. диал.) – *Дов вачIана росулъан* (лит. яз.); *къода асса* «через мост» (карах. диал.) – *къодасан* (лит. яз.) и др.

В чадаколовском говоре анцухского диалекта номинативная и эргативная конструкции переходного предложения находятся в зависимости от того, какая из аналитических глагольных форм выступает в предложении. Например, фраза *ваша кагъат хъва воъа* «мальчик писал письмо» (номинативная конструкция) может быть ответом на гипотетический вопрос «что делал (где был) мальчик?».

эргативным вариантом является фраза *вашас кагъат хъва боъа* – на вопрос «написано ли письмо?» или «что писал мальчик?». Для форм будущего времени характерно сохранение в эргативной конструкции исходного значения вспомогательного глагола – значения возможности: *вашас кагъат хъва бегъина* «мальчик напишет письмо», но и «мальчик может написать письмо» [11, с. 243–244].

А.С. Чикобава отмечает, что в кегерском говоре андалальского диалекта личные местоимения 1-го и 2-го лица в номинативе множественного числа употребляются в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [12, с. 14]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргатив: *нижеца чед кванана* «мы поели хлеб» и *нужеца чед кванана* «вы поели хлеб».

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов обратил внимание на следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-й серии вместо местного падежа 1-й и 2-й серий, как это принято в литературном языке. Например: *Балая ханассул васассэ* (направительный падеж 1-й серии) «посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагъея ханассул васассухъ* (местный падеж 2-й серии) [13, с. 371]. Подобное смещение падежных функций мы встречаем также в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1 лица ед. числа употребляется местоимение 2 лица мн. ч. Так говорят, когда хотят унижить собеседника или передать возмущение, несогласие.

Иногда в произведениях устного народного творчества встречаются более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, которые уже утрачены в литературном языке. Так, например, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, которое передается финитной формой. Однако в фольклорных текстах встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности причастия, употребляются в предложениях самостоятельно, заменяя собой финитные формы. В таких предложениях полностью отпадает необходимость функционирования финитных форм, например: *Борхатаб магларда глугин вукладго тлогъараб магларде вахун вукларав* (М.Х.К.) «Находясь с отарой высоко в горах, **взобрался** на цветущую гору». *Хабар лъала дуда лъагалидасан, / Лъикго йикла, эбел, арав дун гъанже!* (Ц.ХІ.) «Новость ты узнаешь через год, будь спокойна, мама, я **иду** теперь». В первом предложении вместо финитного глагола *вуклана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукларав* «бывший, находящийся». Во втором предложении вместо финитного глагола *ана* «ушел» используется инфинитная форма данного глагола – причастие *арав* «ушедший» [14, с. 8].

Особенно часто инфинитные формы вместо финитных используются в произведениях устного народного творчества. Например: *Дагъалда глей гъабуларесе глемерабги щоларев* (А.Х.К.) «Тот, кто не ограничивается малым, тот **не получит** и большую долю». *Кету рихаразда глунклаз квал балев* (А.Х.К.) «Мыши **обнимают** тех, кому ненавистен кот». *Дунго-дунан вуклунев чи чияе вокьуларев* (А.Х.К.) «Человека, который печется только о себе, люди **не любят**». *Лъиклаб чое хлалхьи толарев, лъиклаб хламие хлалти камуларев* (А.Х.К.) «Хорошего коня в покое **не оставляют**, для хорошего осла работа **найдется**». *Къуваталдаса глакълу бергунев* (А.Х.К.) «Ум **побеждает** силу». *Пегьаларев гъотлода пихъ бизуларев* (А.Х.К.) «На не цветущем дереве плоды **не растут**». В указанных примерах вместо финитных форм используются следующие инфинитные формы: *щоларо* → *щоларев* «не получит» → «не получающий»; *квал базе* → *квал балев* «обнять» → «обнимающий»; *вокьуларо* → *вокьуларев* «не любит» → «не любящий»; *толаро* → *толарев* «не оставит» → «не оставляющий»; *камуларо* → *камуларев* «найдется» → «найденный»; *бергуна* → *бергунев* «победит» → «побежденный»; *бизуларо* → *бизуларев* «не растет» → «не растущий».

Однако было бы преждевременным считать завершенным процесс функционирования причастия в предикативной функции: до сих пор иногда встречаются причастия, заменяющие финитные формы. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях,

возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты.

Как отмечает М.И. Магомедов, в аварском языке «сила предикативности причастных форм настолько интенсивна, что они замещают собой финитные формы и превращают словосочетания в предложения. На наш взгляд, подобные явления уже сами по себе могут служить убедительным аргументом того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, который был впоследствии постепенно утрачен ими в ходе развития языка. В настоящее время также иногда встречаются случаи, когда причастия в предложении заменяют собой финитные формы» [15, с. 71].

В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения [16, с. 136].

Так, например, в сказании «Гьудул цӀоралде индал», написанном, несомненно, на андалальском диалекте, параллельно употребляются формы как аварского литературного языка, так и андалальского диалекта: *Их бачӀараб, эбел, лъид бицун лъалеб?* [М.Х.К.] «То, что весна наступила, от кого, мама, узнаем?». *Берзуд ишан гъабун гъесда бичӀичӀио, / Кверзуд ишан гъабун гордив вачӀана* [М.Х.К.] «Глазами знак сделав, он не понял, / Руками знак сделав, он к окну подошел». *Кли-клиял рекъомо цурицури буго, / Цу-цуял рекъомо гаргари буго* [М.Х.К.]. «По двое собравшись, шепчутся, / По пять собравшись, разговаривают».

В первом предложении представлена форма эргативного падежа андалальского диалекта *лъид* – ср. в лит. яз.: *лыца* «кем». Здесь же встречаются литературные формы причастий *бачӀараб* «пришедший», *лъалеб* «знающий».

Во втором предложении формы слов *берзуд* «глазами» и *кверзуд* «руками» оформлены эргативным падежом множественного числа андалальского диалекта (ср. в лит. яз.: *бераз, квераз*), хотя все остальные слова в этих строках соответствуют нормам литературного языка. Здесь же встречаются формы литературного языка *вачӀана* «пришел, подошел», *бичӀичӀио* «не понял».

В третьем предложении два раза встречается одна и та же деепричастная форма андалальского диалекта *рекъомо* «согласовав» (ср. в лит. *рекъон*), а также масдарные формы *цурицури* «шептание» и *гаргари* «говорение» (ср. в лит. яз. *цурицуди, гаргади*).

В последнем предложении встречается вспомогательный глагол *буго* «есть», который имеет свои особенности произношения в некоторых диалектах аварского языка. Например, вспомогательный глагол аварского литературного языка *вуго* (I гр. кл.), *йуго* (II гр. кл.), *буго* (III гр. кл.), *руго* (мн. ч.) «есть» в карахском диалекте является односложным, с усеченным вторым слогом: *ву* (I гр. кл.), *йу* (II гр. кл.), *бу* (III гр. кл.), *ру* (мн. ч.). Например: *Нижер цӀия рокъ бу* (карах. диал.) «У нас есть новый дом» – *Нижер цӀияб рукъ буго* (лит. яз.) «У нас есть новый дом». *Ясалъул бецина хъатал ру* (карах. диал.) «У девочки есть красивые туфли» – *Ясалъул бецинал хъитал руго* (лит. яз.) «У девочки есть красивые туфли». В первом предложении в карахском диалекте представлен вспомогательный глагол I гр. кл. *бу* (ср. в лит. яз. *буго*). Во втором предложении представлен вспомогательный глагол во мн. ч. *ру* (ср. в лит. яз. *руго*). Кроме того, как видим из примеров, в карахском диалекте в определениях, выраженных именами прилагательными, выпадают суффиксальные классно-числовые показатели: *цӀия рокъ* (карах. диал.) – *цӀияб рукъ* (лит. яз.); *бецина хъатал* (карах. диал.) – *бецинал хъитал* (лит. яз.); *бохӀура гъветI* (карах. диал.) – *борхатаб гъветI* «высокое дерево» (лит. яз.) и т.д.

Из примеров видно, что в карахском диалекте представлена только префиксальная классно-числовая координация глагола-сказуемого с именем в номинативе, тогда как в аварском литера-

турном же языке встречается как префиксальная, так и суффиксальная. Наличие только префиксальной классно-числовой координации в карахском диалекте оказывается достаточным для выражения синтаксических категорий имени.

Таким образом, на уровне простого предложения в диалектах аварского языка наблюдаются некоторые существенные отличия от литературного языка в особых типах простых предложений, в выражении сказуемого, в употреблении частиц. Исследование диалектных особенностей синтаксиса на уровне словосочетания и простого предложения позволило выявить определённые, в некоторых случаях существенные, свойства, характеризующие общую диалектологию аварского языка. Обнаруженные синтаксические особенности диалектов заслуживают внимания и дают возможность сравнивать эти особенности с синтаксисом аварского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Е., Атаев Б.М., Магомедов М.А., Магомедов М.И. [и др.]. Современный аварский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 420 с.
2. Магомедов М.И. Лингвистическая география: взаимоотношения аварского литературного языка и его диалектов // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XXII. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1994. С. 92–95.
3. Сулейманова С.К. Именные словосочетания в аварском языке. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. 191 с.
4. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 279 с.
5. Саидова П.А. К спряжению глагола в закатыльском диалекте аварского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1980. С. 4–11.
6. Исаков И.А. Элемент классно-личного спряжения в кусурском диалекте аварского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1980. С. 64–69.
7. Магомедов М.И. Структура простого предложения в аварском литературном языке и в его диалектах // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М.: Academia, 1996. С. 35–40.
8. Магомедов Д.М. Из истории изучения диалектов аварского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2015. С. 152–155.
9. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Изд. Управления Кавказского Учебного Округа, 1889. 537 с.
10. Магомедов М.И. Роль диалектов в процессе становления лексических норм аварского литературного языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. С. 155–159.
11. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. С. 304.
12. Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1948. С. 5–18.
13. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 511 с.
14. Магомедов М.И. Числовые формы существительных в аварском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 28, № 6. С. 3–9.
15. Магомедов М.И. Субъектно-объектные отношения и категория залога в аварском языке. М.: Academia, 2003. 234 с.
16. Магомедов Д.М., Магомедов М.И. Грамматическое значение подлежащего в аварском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 31, № 3. С. 131–138.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А.Х.К. – Авар халкъалтул кицаби ва абиял; гр. кл. – грамматический класс; Гъ.Гъ. – ГъазимухАмад ГъалбацІов; карах. диал. – карахский диалект; М.Х.К. – МаГІарулазул халкъиял кучІдул; ЦІ.ХІ. – ЦІадаса ХІамзат.

Поступила в редакцию 05.02.2020 г.
Принята к печати 25.06.2020 г.